ЯЗЫК СМИ

Дускаева Лилия Рашидовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой медиалингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: lrd2005@yandex.ru

Салимовский Владимир Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия; e-mail: Salimovsky@rambler.ru

ТЕКСТ И СТИЛЬ: В ПОИСКАХ РЕПРОДУКТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ[1]

Цель статьи – эксплицировать понятие речевой системности, одно из центральных в медиалингвистике, по отношению к репродуктивной модели журналистской речевой деятельности. Объект анализа – информирующий речевой жанр криминального сообщения. В анализ жанрового стиля включен определяемый комплексной целеустановкой (замыслом) операциональный состав речевых интеракций – сообщение о преступлении, о ходе расследования и этико-правовой оценке. Каждая интеракция выражается в трех планах медиатекста – паратексте, метатексте и интратексте. Показано, что стиль обусловлен характером журналистской деятельности и широким социальным контекстом, в котором она протекает.

Ключевые слова: *текст, речевая системность, речевой жанр, праксиостилистический анализ в медиалингвистике.*

Liliya R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Media Linguistics, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: lrd2005@yandex.ru

Vladimir A. Salimovsky, Doctor of Philology, Professor at the Chair of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, Perm, Russia; e-mail: Salimovsky@rambler.ru

TEXT AND STYLE: IN SEARCH OF REPRODUCTIVE MODELS OF JOURNALISTIC PROFESSIONAL SPEECH ACTIVITY

The purpose of the paper is to explicate the concept of the systemic nature of speech with regard to the speech genre, which is a compositional, thematic and stylistic type of a text. The research is based on the new principles of scientific rationality. The object of the study is an information genre of a crime message. The analysis of the material includes diverse characteristics of a speech product determined by a

complex goal setting (intention). The characteristics cover many facets of the speech whole that are conditioned by a broad social context.

Key words: *text, systemic nature of speech, speech genre, praxeologic-stylistic analysis in media linguistics.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2020.4176

Постановка проблемы

Идеалы и нормы научного исследования исторически изменчивы. В современной науке с конца XX – начала XXI в. складывается новый тип научной рациональности, базирующийся на синтезе эволюционных представлений и системного подхода (Степин, 2003). На смену укоренившемуся в науке – с эпохи Нового времени – положению о том, что объективность научного исследования достигается только тогда, когда из познавательного процесса исключается все, что связано с субъектом, приходит представление, согласно которому субъект не дистанцирован от изучаемого мира, а находится внутри него (Степин, 2006). Вместо «внутрипарадигмальной рациональности», при которой детально исследуется некая предметная область (Кун, 2015), утверждается «открытая рациональность», означающая изучение этой предметной области в составе более широкой и сложной развивающейся системы с различных равноправных познавательных позиций (Швырев, 2003). Есть основания думать, что в соответствии с новой общенаучной картиной мира постепенно будут переосмысливаться и фундаментальные проблемы языкознания, что стало особенно востребовано сегодня, когда множество новых научных дисциплин рождается на стыке традиционных и новых наук, как это произошло с медиалингвистикой.

Как известно, с 1920-х по 1970-е гг. в лингвистике господствовала системно-структурная парадигма, основанная на идеях Ф. де Соссюра (1999) и его последователей. Реализуя эти идеи, лингвисты отказались от изучения речевой деятельности, взятой в целом (*langage*), исключили из рассмотрения речь (*parole*) и сосредоточились на исследовании имманентных свойств языка (*langue*). Однако уже начиная с работ Пражской школы вектор развития языкознания начал постепенно меняться и к концу прошлого столетия принял противоположное направление – от языка к речи и далее (в исследованиях по лингвопрагматике, лингвистике текста,

дискурсивному анализу, неориторике и др.) к разнородному множеству фактов речевой деятельности, обнаруживаемых в текстах.

Если оставаться в рамках «внутрипарадигмальной рациональности», то нельзя не признать: вот уже почти полвека функционально-коммуникативная лингвистика представлена множеством теорий среднего уровня (Демьянков, 1995), которые охватывают относительно узкие, частично пересекающиеся предметные области и трудно поддаются синтезу (Кожина, 2014). Между тем, ориентируясь на методологию «открытой рациональности», мы должны будем рассматривать речевую деятельность в составе более сложной развивающейся системы – системы человеческого общения. В этом случае правомерным будет предположение, что разнородные факты речевой деятельности определяются единой системой более высокого порядка и, следовательно, в отношении к этой системе не являются гетерогенными, что они могут быть объяснены через анализ ее функционирования.

Разумеется, эта гипотеза не означает легкого преодоления разрозненности лингвистического знания, но она указывает продуктивный, с нашей точки зрения, путь включения в анализ множества разнородных речевых явлений. Принимая ее, мы должны учитывать, что новый тип научной рациональности, распространяющийся на открытые саморазвивающиеся системы, не отбрасывает предшествующий, а только ограничивает сферу его действия определенными видами проблем и задач (Степин, 2006: 325). Одна из таких проблем в медиалингвистике – поиск нормативных репродуктивных моделей речевой деятельности в массмедиа.

К истории вопроса

В области гуманитарных наук зарождение новой рациональности во многом предвосхищают работы М. М. Бахтина. Это относится не только к литературоведению и культурологии, но и к лингвистике. Как известно, Бахтин считал теорию Ф. де Соссюра не адекватной действительной природе языка, которую ученый видел в социальном речевом взаимодействии говорящих, вырастающем на почве материально-практического взаимодействия. «Отрывать слово от этого вечно становящегося единого общения, конечно, нельзя» (1993: 105). Налицо базовое для лингвистической концепции М. М. Бахтина положение о необходимости изучения языка в составе, как мы бы теперь сказали,

открытой развивающейся системы социальных отношений и взаимодействий. В соответствии с ним «методологически обоснованный порядок изучения языка должен быть таков: 1) формы и типы речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его; 2) формы отдельных высказываний <...> т. е. определяемые речевым взаимодействием жанры речевых выступлений <...> 3) исходя отсюда, пересмотр форм языка в их обычной лингвистической трактовке» (там же).

Сосредоточение внимания на высказывании (тексте) как единице общения предполагало изучение не только его языковой формы, но и разноплановых содержательных элементов (по сути, элементов воплощаемого в тексте сознания) и находило опору в многовековой традиции поэтики, отчасти риторики.

Несмотря на господство в лингвистике 1930–1970-х гг. системно-структурной парадигмы, предусматривавшей рассмотрение виртуальной системы языковых знаков, текст на протяжении всего этого времени продолжал оставаться объектом анализа в лингвостилистических исследованиях. Показательно, что основополагающие работы этого научного направления обнаруживают стремление их авторов охватить по возможности весь круг существенных признаков высказывания (текста) (см. труды М. М. Бахтина, 1993, 2000; В. В. Виноградова, 1981; Б. Гавранека, 1967 и др.). Например, Б. Гавранек в своем анализе функциональной дифференциации литературного языка учитывает такие характеристики речевого высказывания, как его семантический план, отношение лексических единиц к выражаемому содержанию, коммуникативные качества (ясность, точность и др.), полнота высказывания, его конкретная цель, реализуемая в речевых актах (в сообщении, призыве, объяснении), способ выражения (интимное–публичное, устное–письменное) как конституирующий фактор различных жанров: объявления, афиши, газетного выступления (1967).

В дальнейшем на этой основе создавались специализированные концепции, акцентировавшие лишь отдельные аспекты текстовой организации. Больше всего внимания, как это и предполагает собственно лингвистическая проблематика, уделялось изучению закономерностей употребления разноуровневых языковых единиц в речевых произведениях тех или иных сфер общения (работы Б. Н. Головина, 1980; М. Н. Кожиной, 2002, 2014; О. Б. Сиротининой, 1974; Г. Я. Солганика, 1981; М. Елинека (Elínek, 1969);

Й. Мистрика (Mistrík, 1965, 1993) и др.). В результате была глубоко исследована детерминированность функциональных стилей когнитивными факторами – формами общественного сознания, рассматриваемыми в единстве с соответствующими им видами деятельности, типами мышления, целями и задачами коммуникации (Кожина, 2002, 2014).

Одновременно разрабатывались текстоцентрические концепции стиля (Hausenblas, 1968, 1972; Mistrík, 1985, Одинцов, 1980), охватывавшие широкий круг разноплановых свойств речевого произведения. Согласно исследованиям К. Гаузенбласа, в создании стиля как способа интеграции текста участвует комплекс коммуникативных средств. Среди них: собственно языковые единицы (от фонологических до синтаксических); паралингвистические явления; тематические единицы; актуальное членение предложения в тексте; композиционные единицы; жанровые и макростилевые формы; готовые текстовые образования, хранящиеся в памяти носителей языка (поздравления, анекдоты и др.) (Hausenblas, 1972, 1996). В исследовании В. В. Одинцова интеграция текста рассматривается под углом зрения развертывания в нем рационально-логических и эмоционально-художественных структур, формирования различных типов речи, использования композиционно-стилистических приемов (1980).

Крупным вкладом в стилистику целого текста стала итоговая работа В. Г. Костомарова, в которой реализуется векторный подход изучению речевого произведения. Согласно автору, «континуум стилевых явлений может исчисляться <...> векторными полями – разными связями внеязыковой и языковой действительности» (2005: 67). При этом конструктивно-стилевым вектором медийных текстов выступает единство стремления к экспрессии, с одной стороны, и к стандартизации – с другой, а также построение текста как целого из блоков, разделяющих информацию на легко воспринимаемые порции (2005: 197).

В славистической лингвистике анализ жанров опирается на понятия стиля и композиции, а потому исследуются закономерности как целенаправленного выбора и использования языковых средств, так и композиционной организации языковых и тематических единиц с учетом ситуации общения, функции, намерений автора и содержательных элементов речевого высказывания (см., например: Mistrík, 1975). Акцентирование важности изучения в функциональной стилистике структурно-композиционной сторо-

ны речевых произведений знаменовало собой формирование стилистики текста как особого направления исследований.

В дальнейшем тесное взаимодействие стилистики с другими лингвистическими дисциплинами функционально-коммуникативного цикла привело к распространению ее проблематики на изучение закономерностей продуцирования целого речевого произведения в различных коммуникативных сферах, в том числе актуализации различных текстовых категорий, на исследование регулятивности текста как его способности управлять познавательной деятельностью читателя, на моделирование специальных (функционально-стилевых) картин мира и др. (см. отражение этой проблематики в понятиях, представленных в стилистических энциклопедических словарях последних десятилетий: Болотнова, 2009; Кожина (ред.), 2003; Дускаева (ред.), 2018; Mistrík (ed.), 1993 и др.).

Ситуацию в современной лингвостилистике глубоко и емко характеризует Ст. Гайда: «Основная сложность в построении комплексных концепций [стиля] заключается в том, что многомерная речевая действительность – это сущность неиерархизированная. Ее измерения <...> являются одинаково сущностно изначальными, равноценными и взаимонередуцируемыми, а также одновременно нераздельно между собой связанными <...> Языковая действительность не является ни простой суммой, ни структурой (по крайней мере в точном значении этого слова) <...> Необходимо, следовательно, искать нестандартные онтологическо-эпистемологические решения» (2013: 28). Очевидно, поиск этих решений будет направляться формирующимися в начале XXI в. новыми принципами научной рациональности, предполагающими изучение речевой деятельности, как это виделось уже М. М. Бахтину, в составе сложной саморазвивающейся системы социальных взаимодействий. Особенно актуальным этот эпистемологический подход представляется для медиалингвистики, изучающей массовую коммуникацию на новом этапе коммуникативного развития человечества, обусловленного появлением киберпространства, электронной (массмедийной) формы социально-речевых взаимодействий (Костомаров, 2005).

Объектом нашего внимания будет информационный жанр криминального сообщения. Выбор определяется недостаточной исследованностью с медиалингвистической точки зрения весьма популярного в СМИ речевого текстотипа. С теоретико-журналистской

жанроведческой точки зрения освещение криминальной тематики рассматривалось, например, в работах И. А. Суховеевой (2007), А. А. Тертычного (2002), Ю. А. Шум (2008). Этические стороны речевой деятельности анализируются, в частности, в работе С. М. Шайхитдиновой (2013). Правовым аспектам речевых действий журналиста при освещении криминальной тематики посвящены публикации В. И. Доможирова (2011), А. В. Клочковой (2012). Разновекторность исследования речевой деятельности в освещении криминальной темы позволяет говорить об эвристичности выбранного в медиалингвистике праксиологического подхода, позволяющего изучать речевую деятельность в обусловленности свойствами профессиональной деятельности журналиста.

Цель данной статьи – с учетом новых принципов научной рациональности эксплицировать понятие речевой системности по отношению к речевому жанру как композиционному, тематическому и стилистическому типу текста, в котором отражается модель речевой деятельности (Бахтин, 1993; 2000). Мы исходим из мысли о том, что в анализ должны быть включены разноплановые характеристики речевого произведения. Они определяются комплексной целеустановкой (замыслом), охватывающей разные грани речевого целого, и при этом обусловлены широким социальным контекстом, отражающимся на особенностях диалогических отношений между автором и массовой аудиторией.

Методика анализа

Важнейшие научные принципы, утвердившиеся ранее в славянских коммуникативно-речеведческих исследованиях (М. Бахтин, 1993, 2000; С. Гайда, 2013; К. Гаузенблаз (Hausenblas, 1968, 1972, 1996), Й. Мистрика (Mistrík, 1965, 1985, 1993), М. Кожина, 2014) и др.), значимы и для праксиостилистического анализа речевых жанров: деятельностная трактовка стилетекста (общих особенностей построения текстов определенной сферы общения) и целеполагания в нем как детерминанты речевого своеобразия текстотипов; признание за текстом способности воплощать динамику (процессуальность) речевой деятельности и статику речевого взаимодействия (результат); системный подход к анализу речевого материала.

На основе этих принципов в наших исследованиях предлагается следующая логика стилистического анализа речевого жанра,

позволяющая раскрыть особенности той или иной разновидности журналистского профессионального стиля:

1. Определяем смысловую структуру текстотипа через реконструкцию творческого замысла – целевой конструкции. В соответствии с идеями психолингвистов (Дридзе, 1984; Ушакова, Павлова, 2000) целевая конструкция текстотипа представляет собой иерархию интенций – интенциональность: одна ведущая реализуется рядом дополнительных, каждая из которых воплощается в последующих и т. д. Установление иерархии интенций в типовом коммуникативном замысле позволяет реконструировать содержательно-семантическую основу текста. На основе ведущей интенции создается коммуникативное действие – целостный текст, на основе дополнительных формируются речевые интеракции – единицы структуры текста, позволяющие во взаимодействии реализовать его основную интенцию. Коммуникативные действия презентуются в текстотипах, речевые – в его типовых фрагментах.

Так, в нашей работе понятие интенциональности как целевой конструкции текстотипа позволяет выйти за рамки «традиционного» системно-функционального исследования грамматической семантики и не связано с «определением семантических функций грамматических форм в их отношении к смысловому содержанию высказывания», как это характерно, например, для исследований А. В. Бондарко (2002: 143). Наше понимание отличается и от собственно прагматического толкования, свойственного, например, теории речевых актов, где определяется круг коммуникативных целей отдельных высказываний – вопрос, ответ, оценка, сожаление, просьба, совет, приказ, рекомендация, запрет и т. п. (Остин, 1986: 22–129; Гловинская, 1993: 158–218). Праксиостилистический анализ поливекторной интенциональной направленности в типовом текстовом замысле определяется нормами и правилами целеполагания в речевой деятельности. Эти нормы касаются коммуникативных намерений субъекта речи, связанных с передачей смысла и содержания речевой деятельности в рассматриваемой сфере, а значит, и отношения к выбранным для сообщения фактам, правилам размещения текста, особенностям аналитической работы, гипотезе аудитории, на которую субъект речи ориентируется и т. п. Интенциональностью в нашем понимании определяется смысловая специфика текстотипа, которую детерминирует «речевая воля» (Бахтин, 1993; 2000)

субъекта речи. Этой смысловой спецификой наделяется та система средств, с помощью которой формируется текстовая ткань. Задача стилистического анализа – выявить, как под влиянием речевой воли субъекта речи мобилизуются ресурсы для организации текста.

2. При стилистическом анализе медиатекста нельзя не учитывать особые условия его трансляции через каналы массовой коммуникации: любой текст в массмедиа не существует изолированно, он связан с другими текстами в конкретном совокупном тексте газеты, журнала, радио- или телепрограммы, веб-сайта. Кроме того, всякий медиатекст занимает промежуточное положение в глобальной медиакоммуникации, являясь ответом на предыдущий информационный запрос аудитории и последующую его интерпретацию. Так что стилистический анализ речевого жанра в массмедиа должен строиться с учетом его диалогической природы и взаимодействия в нем разных компонентов медиаречи – интратекста, паратекста и метатекста (Дускаева, 2019).

Референтное содержание медиатекста передается в *интратексте* – компоненте композиции, передающем развертывание новостного повода, ради которого медиатекст создается. Новостью в медиатексте выступают ситуация, событие, процесс, личность, чужое высказывание и отношение к ним. Вместе с тем информирование по каналам массовой коммуникации осуществляется внутри межтекстового *паратекста,* создаваемого техническими возможностями того или иного массмедиа – изображением, инфографикой, звуковым и визуальным сопровождением новости. Причем паратекст развивается авербальными и вербальными средствами не только в межтекстовом пространстве (на газетной полосе – в названиях рубрик, подрубрик, инфографике, анонсах отдельных материалов и будущих номеров), но и внутри текста (в виде заголовка и подзаголовков, фотографий, подписей к фотографиям, графиков, карикатур и т. п., связанных с текстом). Именно последние выступают носителями текстового содержания, дополняя, уточняя, расширяя, иллюстрируя основное пропозициональное интратекстовое содержание.

Композиция медиатекста отражает коммуникативное взаимодействие автора («я») с аудиторией («вы») в *метатексте* в разных формах (полемики или согласования и координации с «он», «они» или внутреннего диалога с «я»[2]). Метатекст – своего рода «рамка», проявляющаяся благодаря использованию отдельных слов, слово-

сочетаний, предложений, показывающих ход речевого взаимодействия. Термин введен в лингвистику А. Вежбицкой (1978). Однако в отличие от этого ученого, считающего метатекст надстройкой к тексту, «инородным телом» (1978: 407), мы убеждены, что в массмедиа метатекст – органичная часть внутреннего устройства текста, его остов, без которого текст существовать в этой среде не может.

Таким образом, в композиционно-стилистической организации медиатекста носителями его смыслов выступают три речевых слоя: 1) паратекст – отражает взаимосвязь данного текста с другими внутри совокупности текстов газеты или журнала, 2) интратекст – передает пропозициональное содержание медиатекста, 3) метатекст – выражает промежуточное положение текста в медиапотоке сообщений. Последний, врастая во все компоненты композиции медиатекста, выполняет функцию их скрепления в единое целое.

3. Исследование посвящено праксиостилистическому анализу речевого жанра, воплощающего одно из самых распространенных коммуникативных действий в СМИ, – криминального сообщения, рассказывающего о преступлении и его расследовании.

Для такого сообщения в журналистике выработана специальная модель, которую можно представить примерно так: сообщение о действиях преступника и действиях дознания, способствовавших раскрытию преступления. Смысловую структуру такой модели составляют *референциальный, модусный* и *коммуникативный* аспекты. Референциальный смысл состоит в передаче акта преступления и сведений о нем: последовательности действий, их результата для участников и для общества, времени, места и целей. Модусные смыслы сообщений различны: они актуализируются передачей оценки, волеизъявления, эмотивности или перцептивности (Арутюнова, 1999). Как референциальный, так и модусный аспекты представляются не только средствами интратекста, но и средствами внутреннего паратекста.

Третий, коммуникативный аспект смысловой структуры модели выражается в метатексте, основа которого – два плана речевого взаимодействия: один детерминирован речевой активностью, направленной на выяснение обстоятельств преступления (диалогичность «я–он»), а другой – речевой активностью журналиста, проявляемой во имя того, чтобы аудитория узнала о преступлении (диалогичность «я–вы»).

4. Праксиологический подход к анализу современной речевой практики в СМИ, предполагающий раскрытие норм и правил речевой деятельности в ее продуктах – текстах, включает сочетание динамического и статического подходов (Duskaeva, 2018).

Стилистический анализ динамики речевого жанра позволяет изучить логику, ход типовой формы профессиональной речемыслительной деятельности журналиста, тогда как статический анализ позволяет уточнить лингвистическую «анатомию» каждого выделенного в медиатекстотипе речевого действия, т. е. его речевую системность. С динамической точки зрения стиль текстотипа, освещающего преступление, анализируется через выделение в нем речевых интеракций, помогающих передать ход, последовательность интерпретации «отрезка времени в событийном контексте» (Демьянков, 1983: 322). Динамический анализ помогает, прежде всего, детализировать в публикациях речевую структуру метатекста, создающегося различными способами и средствами и представляющего собой последовательность, расположение и соотношение выделенных интеракций, составляющих жанровый стиль. В результате статического анализа модели речевого взаимодействия конкретизируется форма выражения референтного, коммуникативного и модусного компонентов содержания у каждой речевой интеракции, обнаруженной внутри типовой модели. Модусные и референциальные смыслы речевой интеракции выражаются благодаря взаимодействию интратекстовых и паратекстовых средств.

Анализ материала

Тексты в жанре сообщения о преступлении публикуются, как правило, в рубрике «Происшествия» и обычно вызывают значительный интерес аудитории. Причин тому несколько. Во-первых, подобные сообщения относятся к разряду сенсационных, поскольку преступление – нарушение обычного порядка вещей. Они затрагивают медиааудиторию, потому что служат для нее предупреждением об опасности. Во-вторых, сюжеты таких сообщений построены в предчувствии наказания виновных, что способствует удовлетворению жажды справедливости в обществе. В-третьих, сюжетное построение таких сообщений основывается на разгадке тайны, что само по себе вызывает интерес. В связи с этим в масс-медиа для криминальных сообщений действуют специфические

правила речевой деятельности. Рассказать о преступлении в журналистике – значит сообщить информацию о недавно совершенном кем-то общественно опасном действии, продемонстрировать, каким образом о нем стало известно, как оно расследуется, выяснить мотивы действий преступника и оценить степень их общественной опасности.

Динамический анализ речевого жанра (далее – РЖ) показывает, как его целеустановка – сообщение аудитории о правонарушении и действиях, которые способствовали его раскрытию, – воплощается в последовательности нескольких субжанровых речевых интеракций, развертывание которых, в свою очередь, осуществляется в последовательности ряда коммуникативных шагов: 1) сообщение о преступных действиях; 2) презентация хода дознания по установлению обстоятельств преступления; 3) этико-правовая оценка преступления. Смысловую структуру каждой из выделенных субжанровых интеракций РЖ составляют референциальный (информация о действующих лицах, преступных действиях и обстоятельствах их совершения – времени, месте, мотивах и т. д.), коммуникативный (предназначенность речи для читателя) аспекты и модусный (эпистемический, волитивный, эмотивный, оценочный, перцептивный).

Набор субжанровых интеракций в презентующих жанр текстах может быть неполным, разным может быть их порядок: например, иногда узнать, кто преступник, органам дознания не удается, а иногда преступление раскрывается, но преступнику удается скрыться, поэтому сокращается объем последнего речевого действия в тексте. Представим речевые интеракции, составляющие рассматриваемый речевой жанр, на примере двух публикаций: (1) «Прокурор попал под пулю для жены» (Известия. 11.01.2012); (2) «Посадят ли каратиста, который, защищая сына от бойцовой собаки, убил ее хозяина?» (КП. 26.07.2012). Речевые действия воплощаются во всех композиционных компонентах медиатекстов – паратексте, метатексте и интратексте.

Первая речевая интеракция РЖ: осведомление адресата о преступных действиях

Смысловая структура интеракции трехаспектна, поскольку, как мы отмечали, ее составляют референциальные, модусные и коммуникативные смыслы. Референциальный аспект связан с рече-

вым представлением а) действующих лиц, б) последовательности преступных действий и в) обстоятельств их совершения: времени, места, образа действия. Модусный аспект связан с выражением эмотивных смыслов, поскольку известие о преступлении, т. е. об опасных для каждого человека действиях, вызывает чувство тревоги. Коммуникативный аспект представлен предназначенностью речи для читателя и стимулированием у него любопытства. Обратимся к первому компоненту композиции.

(а) *Паратекст*

Паратекстовая часть речевого действия выражается вербальными и авербальными средствами.

Вербальный компонент паратекста. В текстовых заголовках и подзаголовках публикаций в свернутом виде дается ответ на вопрос о том, что случилось:

(1) «Прокурор *попал под пулю для жены*» В Челябинске *убит* начальник отдела облпрокуратуры Олег Ухин и его супруга Ирина. Киллер *застрелился* при задержании;

(2) «Посадят ли каратиста, который, *защищая сына от бойцовой собаки, убил* ее хозяина?» Руслан Мерзляков опасается мести «малышевских».

Сообщения о преступлениях аудитория легко обнаруживает по заголовочному комплексу, в котором называется событие преступления и подчеркивается его общественная опасность. Средства передачи преступных действий (глагольные и отглагольные формы со значением однократности, завершенности *убит, застрелился; защищая сына от собаки, убил*). Вопрос в заголовке последнего текста привлекает внимание.

Заголовки, содержащие наименования преступных действий (*убит, застрелился, разбойное нападение, убил*), звучат интригующе: информация об объектах и субъекте этих действий раскрыта, но свернута главная для журналистского сообщения характеристика действий: как это случилось и какие последствия возможны[2]. Но стилистику первого речевого действия в РЖ организует именно изложение того, как это случилось и какие последствия возможны.

Авербальные компоненты. По Б. А. Плотникову, в письменных текстах три класса «авербальных» знаков: натуралистические (фотографии, рисунки с натуры, многие виды чертежей, фигур, схем); художественные (картины, рисунки с обобщающей и эстетической ценностью); художественно-символические (карикатуры,

шаржи, изошутки, гротески) и символические (знаки-формулы) (1989: 59–60). В создании сообщения о преступных действиях используют натуралистические изображения, обычно фотографии и рисунки.

Например, во второй текст включена фотография пса со злым оскалом. В публикации речь идет о том, что отсутствие намордника у выведенного на прогулку пса стало причиной ссоры соседей, приведшей к трагедии.

Рисунок 1

Фотография пса со злым оскалом привносит модусные смыслы и усиливает впечатление опасности поведения одного из участников конфликта, завершившегося трагедией.

(б) *Метатекст*

Этот компонент композиции текста рождается под влиянием фактора адресата, формируя диалог «я-вы» в виде адресованности или предназначенности. На присутствие адресата журналист может указывать в прямых обращениях, апелляциях к нему. Но чаще всего адресация выражается косвенно, в особого рода речевой экспрессии предназначенности, способствующей поддержанию интереса читателей к повествованию, например: «Киллер *поджидал* Ухиных у выхода из детского сада на джипе *Toyota Land Cruiser.* Первым за ворота *вышел* прокурор. Убийца *открыл* боковое окно и *выстрелил* в него из пистолета ПМ с глушителем. После этого он *расстрелял* его супругу и на большой скорости *скрылся»*. Экспрессия предназначенности обнаруживается в этом фрагменте в ритме изложения, который создается использованием глаголов одно-

кратности, завершенности: *вышел – открыл окно – выстрелил из пистолета – расстрелял – скрылся*. Высокая скорость совершенных действий свидетельствует об их предварительной подготовленности (дополнительные детали – глушитель у пистолета, автомобиль, способный развивать высокую скорость, джип *Toyota Land Cruiser* – также свидетельствуют о продуманности действий преступника). Читатель вовлекается в событие ритмом повествования, у него в сознании рождаются вопросы о мотивах и причинах столь жестокого и циничного преступления. Любопытство читателя, уже простимулированное журналистом, будет продвигать последующее изложение.

Когда журналист сообщает новые факты, он отвечает на те вопросы, которые предположительно могут возникнуть у читателя. Так что даже информационный текст, написанный в объективированной манере, не лишен субъективности. На основе этой субъективности формируется метатекст. Состоящий из отдельных слов, словосочетаний, а иногда и предложений, он активизирует воображение, заставляя читателя представить картину происходящего, возбуждая любопытство.

(в) *Интратекст*

Говоря о стилистике интратекстового компонента первой субжанровой интеракции, хотелось бы подчеркнуть в ней два момента. Во-первых, композиция интеракции строится цепочкой двусоставных предложений *S-V* (субъект и действие). Так журналист воспроизводит событие. Средства персональности показывают роль действующих лиц происшествия, активную у преступника (*убийца, киллер, мужчина, он, водитель*); пассивную у жертв, которых в тексте идентифицируют вместе (*Ухины, они, супруги*) или поодиночке (*прокурор, трехлетний сын Николай, 9-летняя дочь-школьница, его супруга*; *брат его жены — ранее судимый Геннадий Кожевин, тот...*). Для передачи последовательности действий используются цепочки глагольных и отглагольных слов, именующих однократные, завершившиеся действия. Такие цепочки придают композиции речевого действия цельность и связность, например: «Киллер *поджидал* Ухиных у выхода из детского сада на джипе *Toyota Land Cruiser*. Первым за ворота *вышел* прокурор. Убийца *открыл* боковое окно и *выстрелил* в него из пистолета ПМ с глушителем. После этого он *расстрелял* его супругу и на большой скорости *скрылся*».

Другой чертой развертывания интратекста сообщения является использование приемов речевой избыточности – вариативных повторов, позволяющих, благодаря напоминанию наиболее важных сторон изложенного, четче очерчивать противоречие между известным и неизвестным, вводить новую информацию.

Так, предельно сжатое сообщение о событии преступления в подзаголовке первой публикации расширяется в теле статьи и уточняется в интратексте использованием речевых вариативных повторов (РВП).

Подзаголовок	Продолжение текста
В Челябинске убит начальник отдела облпрокуратуры Олег Ухин и его супруга Ирина. Киллер застрелился при задержании.	*Утром 11 января в Челябинске расстреляли начальника отдела областной прокуратуры Олега Ухина и его супругу Ирину. Оба скончались в больнице. Сыщики быстро вычислили убийцу — им оказался директор местной торговой компании Александр Бак, но во время задержания он застрелился.*

РВП не только повторяет информацию, переданную в подзаголовке, но и дополняет и детализирует ее более точным указанием времени преступления (средствами темпоральности *утром 11 января*), способа преступления (средством образа действия *расстреляли*), дополняет сведения о происшествии информацией об убийце (его идентификация осуществлена именем собственным и номинацией должностного статуса: *им оказался директор местной торговой компании Александр Бак*) и о том, чем происшествие завершилось (жертвы – *скончались,* преступник – *застрелился*).

В последующем изложении информация о происшествии уточняется: «*Сразу после убийства* Ухиных **Бак** *поехал на улицу Постышева,* где живет брат его жены — ранее судимый *Геннадий Кожевин*. В *8.45*, когда *тот спускался по лестнице в подъезде*, он также *выстрелил* в него. *Мужчина получил ранение* и сейчас находится в реанимации». Для уточнения мобилизуются средства выражения текстовой событийности: образа действий (описывающие последовательность действий *поехал – выстрелил*); персональности (указывающие на действующих лиц – преступников и жертв: преступник *Бак* – жертва *брат его жены Геннадий Кожевин*); темпоральности (*сейчас*; *в 8.45)*, демонстрирующие движение времени; средства локативности (*улицу Постышева, по лестнице в подъезде,*

в реанимации), указывающие на статус субъектов в происшествии и передающие перемещение лиц в пространстве.

На референциальные смыслы накладываются модусные. Например, средства выражения темпоральности одновременно показывают модусно-перцептивную характеристику скорости действий: *быстро вычислили* или *сразу после убийства*, а также соотнесенность моментов действий, совершаемых разными людьми: *во время задержания*; *когда тот спускался, он выстрелил*.

Таким образом, композицию интратекста субжанровой интеракции формируют двусоставные предложения с глагольными предикатами прошедшего времени, описывающие последовательность действий трех групп лиц: убийцы по отношению к жертвам (*нападение произошло*), жертв (*выходили, отвел, вышел*), киллера (*поджидал, открыл, выстрелил, расстрелял, скрылся, попытался выехать, застрелился*), благодаря которым восстанавливается ход происшествия. Все глагольные формы в прошедшем времени. Поддерживают заданный предикатами ритм повествования средства темпоральности, демонстрирующие последовательность действий во времени и соотносящие время действий разных лиц: *около 8 часов утра по местному времени, когда...; утром, сразу после, через несколько минут, у мужчины; в этот момент*. Передача времени действия осложняется модусными, главным образом перцептивными, смыслами.

Композиционному развертыванию повествования способствует передача перемещения акторов в ходе происшествия и изменение их местоположения средствами локативности, в основном существительными с предлогами направления *из детского сада № 427 на улице Молодогвардейской, у выхода из детского сада на джипе Toyota Land Cruiser, в реанимацию, на трассу Челябинск–Троицк, на 16-м километре дороги, к обочине; на улицу Постышева, где...* Благодаря передаче темпа, ритма действия и воспроизведению перемещений в пространстве событие становится зримым для читателя.

Таким образом, стилистику первой речевой интеракции составляет взаимодействие средств паратекста, интратекста и метатекста. Ключевой для этой единицы в композиции РЖ является семантика событийности. Метатекст направлен на возбуждение интереса к повествованию и предупреждение коммуникативной пассивности. В интратексте выстраивается сообщение о том, как проходило событие, на первый план выходят средства образа дей-

ствия. Такими средствами могут выступать цепочки глагольных форм, которые передают последовательность завершенных действий, и темпоральные средства (наречия, существительные с предлогами, последовательности видо-временных форм глаголов, объединенных в ряды однородных членов), которые демонстрируют порядок и ритм действий. Повествование о событии окрашивает модус тревоги. Пока не сообщено, кто совершил убийство, сообщение строится безагентивно. Раскрытию тайн преступления посвящается вторая интеракция.

Вторая речевая интеракция РЖ: презентация хода дознания

Эта интеракция содержит ответ на субжанровый вопрос о том, что и как удалось выяснить следствию, и в публикациях ее объем различен. Во втором тексте этот компонент представлен лишь одним-двумя предложениями, вкраплениями внутри интратекста. В б*о*льшем объеме данная интеракция представлена в пара-, мета- и интратексте первой и третьей публикаций.

(а) *Паратекст*

Авербальный компонент. Функции паратекста в этом речевом действии – иллюстрировать работу дознавателей – служит фотография сотрудников правоохранительных органов (первая публикация).

Рисунок 2. Фото: Александр Мельников

Фото с изображением представителей правоохранительных органов расширяет число вовлеченных в событие действующих лиц. Демонстрация фотографии, показывающей дверь с надписью

«Прокуратура», расширяет локус события, вселяет уверенность, что за преступлением неотвратимо следует наказание.

Вербальный компонент в паратексте может быть представлен подписями к фотографиям, изображениям, врезками к тексту, выносками в карикатурах, внутренними подзаголовками публикации. В этом смысле примечателен заголовочный комплекс второй публикации, состоящий из вопросительных предложений и комментариев. Его основной заголовок («Посадят ли каратиста, который, защищая сына от бойцовой собаки, убил ее хозяина?») и подзаголовки («Дело прекратят?»; «Могли знать друг друга») вовлекают читателя в разгадывание тайн, стимулируя его внимание, и тем самым рекламируют текст.

(б) *Метатекст*

Метатекст в этом композиционном фрагменте призван показать последовательность того, *как* выяснялись детали совершенного преступления. Журналист расширяет «пространство» субъективности речи: помимо автора, в повествование вступают другие субъекты речи – свидетели, жертвы, дознаватели. Метатекст формируют средства, помогающие воспроизвести диалог с осведомленными лицами, в ходе которого проясняются детали происшедшего. Тем самым текст обретает дополнительный к авторскому речевой слой, когда на речь журналиста накладывается диалог между другими субъектами. Изложение обретает дополнительную динамику благодаря передаче хода дознания средствами передачи чужой речи. Приведем примеры из рассматриваемых текстов:

1) *Как выяснили «Известия»,* нападение произошло около 8 часов <...> Ухины живут неподалеку и выходили из дома всей семьей <...> Обычно папа <...> *рассказала «Известиям» одна из воспитательниц. По словам очевидцев,* киллер поджидал <...> *По предварительным данным,* это был руководитель <...> *Как выяснилось,* сразу после убийства Ухиных Бак поехал <...> *Следователи считают, что* мотивом убийства семьи Ухина была не <...> *Согласно одной из версий* <...> *По версии следствия*, причиной покушения на Кожевина <...> *У следователей есть информация, что* в последнее время Бак злоупотреблял спиртным < ...> *По их мнению* <...>

2) *Как пояснил корреспонденту «КП» источник в правоохранительных органах,* с переквалификацией дела не спешат, скорее всего, из-за невиновности Мерзлякова. Судебно-медицинская экспертиза может продлиться месяц, – *уточнил источник*.

Расследование рассматривается, прежде всего, как диалогическое взаимодействие с очевидцами, которое помогают воссоздать средства передачи чужой речи: а) вводные словосочетания и предложения (*как выяснили «Известия»*, *по словам очевидцев*, *по версии следствия*, *по предварительным данным, как выяснилось*), указывающие на источник информации; б) прямая речь («*Ухины живут неподалеку и выходили из дома всей семьей» <...> рассказала «Известиям» одна из воспитательниц*); 3) косвенная речь (*Следователи считают, что*) и т. д. Для номинации субъектов речи и форм их речевой активности используется специальная лексика: *очевидцы, версия*.

Авторское присутствие обнаруживается в стимулировании хода расследования, вопросах, обращенных к информантам, в отражении хода расследования, в попытках разобраться в происшедшем, проанализировать информацию, полученную от осведомленных лиц. Метатекст субжанровой интеракции формируется глаголами речи, которые передают диалогическое взаимодействие (*рассказала, выяснилось, обнаружены*). «Следы» диалогической речи обнаруживаются в россыпи по тексту сочетаний со словами, имеющими семантику речи: *получили приметы джипа; в его машине были обнаружены; согласно одной из версий; у следователей есть информация, что*... и т. д. Вводные словосочетания и предложения (*как выяснили «Известия»*; *по словам очевидцев*, *по версии следствия*, *по предварительным данным, как выяснилось*) указывают на источник информации, чужую речь. Средствами метатекста автор предвосхищает возможные упреки в неполноте, неточности сообщения, недопонимание, недоверие по отношению к сообщению, вопросы и т. д., уточняет форму своего текста, дополняет свое повествование чужой речью, – с помощью такой корректировки журналист помогает читателю адекватно понять текст.

(в) *Интратекст*

Интратекст второго речевого действия – это информация о выяснении обстоятельств преступления, поиске и поимке преступника. Если устранить метатекст из уже приведенного фрагмента, остается повествование, рассказывающее о погоне за преступником или о действиях, совершаемых для поиска преступника:

1) Через несколько минут *гаишники <...> устроили* за ним *погоню*. *Toyota Land Cruiser преследовали* три автомобиля ДПС. Киллер *попытался выехать* на трассу Челябинск–Троицк, но на 16-м километре дороги автоинспекторам *удалось прижать* его машину

к обочине. В этот момент водитель *застрелился*. У мужчины *нашли* документы на имя 48-летнего местного жителя Александра Бака <...> Через несколько минут *гаишники получили приметы* джипа.

2) *При обыске* квартиры Дорина полицейские *нашли* ящик с патронами и гранату <...> Уголовное дело пока *завели* по статье «Убийство» <...> Руслана *отпустили под обязательство* о явке <...> с переквалификацией дела *не спешат*.

Референциальные смыслы интеракции передают, прежде всего, средства выражения персональности, акциональности и объектности, с помощью которых воспроизводятся процедуры дознания. Средства персональности показывают действующих лиц: преступника (*киллер, водитель, мужчина, Дорин*) и его преследователей (*гаишники, следователи*). Отбор номинаций действий сотрудников правоохранительных органов очень строгий: их должностное поведение ограничено рамками законодательства (*преследовали, прижать автомобиль, получили приметы, прибыть на место преступления, ведется поиск, обыск квартиры, дело завели, отпустили под обязательство, переквалификация*). Даже субъект этих нормативно-правовых действий называется не всегда, поскольку законом регламентируются как сами действия, так и их субъекты: *получили приметы джипа; в машине были обнаружен;, одна из версий; есть информация*. Объектность в интратексте показывает характер преступления и способствует его последующей этико-юридической квалификации: *документы на имя 48-летнего местного жителя Александра Бака; по нескольку десятков пуль; два брошенных АКМ и черные маски с прорезями для глаз; ящик с патронами и гранату*. Средства выражения модуса способствуют отделению «чужой» информации от «своей», авторской.

Модусные смыслы формируются под воздействием референциальных. Обычно в интеракции модусный аспект выражает отношение к субъектам действий: демонстрируется компетентность/некомпетентность, слаженность/неслаженность работы правоохранительных органов, их способность противостоять социально опасным действиям преступников. В частности, демонстрируя в обоих текстах соответствие деятельности правоохранительных органов букве закона, журналист показывает огромную роль их сотрудников в обеспечении неотвратимости наказания за преступление.

Таким образом, анализ второй интеракции показывает, что она направлена на прояснение непонятных, противоречивых данных о преступлении. В интеракции воспроизводятся диалоги дознавателей со всеми причастными к преступлению. Именно поэтому ключевыми для композиционной организации интеракции выступают средства передачи чужой речи и координации смысловых позиций коммуникантов.

Третья субжанровая интеракция

Третья интеракция призвана передать согласование этической и правовой характеристики происшествия. С этой целью социальной оценке подвергается: 1) содержание преступления, 2) форма вины в происшествии.

(а) *Паратекст*

Авербальные элементы «подготавливают» читателя к характеристике преступления. Например, в первой публикации такую функцию создают фотографии участников происшествия, которые косвенно определяют содержание преступления. На одной фотографии жертва преступления – молодой, полный сил человек, исправно выполнявший свою работу.

Рисунок 3. Жертва преступления

На следующей фотографии (рис. 4) – убийца. Но на фотографии он менее всего похож на преступника – с широкой, счастливой улыбкой, в зарубежном путешествии, на фоне Пизанской башни.

Рисунок 4. Предполагаемый преступник. Александр Бак. Фотография из личного архива

Изображение уже погибших людей драматизирует изложение.

Во второй публикации фотография с изображением злого пса (см. выше) психологически подготавливает к восприятию правовой оценки преступления.

Вербальный элемент паратекста – заголовочный комплекс – активно вовлекает в анализ происшествия. Заголовок и подзаголовок первой публикации содержат коллизию: «В Челябинске убит начальник отдела облпрокуратуры Олег Ухин и его супруга Ирина. Киллер застрелился при задержании». Совершено двойное убийство, но и сам убийца наложил на себя руки. Читатель неизбежно будет задаваться вопросами о мотивах и причинах происшедшего и наверняка продолжит знакомство с текстом.

Основной заголовок второго текста («Посадят ли каратиста, который, защищая сына от бойцовой собаки, убил ее хозяина?») и последующий, внутренний («Дело прекратят?») сформулированы в виде вопроса. Вопросная форма в данном случае показывает неоднозначность в определении виновного: тот, кто убил, как покажет последующее изложение, в соответствии с законом не является виновным. Все последующее повествование в этой публикации, по существу, направлено на то, чтобы обосновать убийство как вынужденный способ самообороны.

Как видим, заголовки и подзаголовки материалов построены так, чтобы обратить внимание на драматизм происшествия и заинтересовать в чтении материалов.

(б) *Метатекст*

Метатекст третьей интеракции в РЖ призван подчеркнуть сложность в определении степени чьей-то виновности, заострить внимание читателя на рефлексии журналиста при оценке происшедшего. Отсюда – семантика гипотетичности, неопределенности.

Например, в первой публикации гипотетичность в определении вины подчеркивается выражением неожиданности для всех близких преступного поведения убийцы. В публикации настойчиво подчеркивается, что застреливший троих других, а затем себя человек не был закоренелым убийцей. Об этом свидетельствует его фотография, на которой он изображен с жизнерадостной улыбкой. Но такое изображение еще больше запутывает читателя, и ничто не проливает свет на причины случившегося. Об этом же свидетельствуют слова брата убийцы: «Родной брат Александра Бака Вадим пока *не понимает, что его могло толкнуть на убийство*». Косвенный вопрос – свидетельство глубокой растерянности, которую испытывают родные предполагаемого убийцы. Как видим, главное, что передается в этом фрагменте, – модус недоумения из-за непонимания причин, приведших к трагедии: в косвенной речи через вводящий ее глагол с отрицанием (*пока не понимает, что могло толкнуть на*); в прямой речи, передающей состояние человека (*Я в шоке*), через вводное слово, выражающее неуверенность (*Очевидно*, *его довели*), через глагол, вводящий речь персоны (*недоумевает Вадим*). Брат, конечно, дает положительную характеристику погибшему, для ее передачи используются средства выражения актантности. Так что вопрос о вменении вины этому человеку для близких остался открытым.

Открыт он и для следователей, поскольку те не могут пока выявить мотивы преступления, необходимые для квалификации совершенных убийцей действий. В интеракции воспроизводится диалог, который в поисках нужной информации ведет журналист с участниками следственной группы и ближайшим родственником предполагаемого преступника. Сочетания, формулирующие вопрос о мотивах, во фрагменте выделены: «*Следователи считают* [глагол мысли – «след» осуществления интерпретативной деятельности], что *мотивом убийства* [изъяснительное придаточное показывает содержание интерпретативной деятельности] семьи Ухина была *не* [отрицательная частица – модусное средство интерпретативности] профессиональная деятельность прокурора. *Согласно одной из версий*, Ирина Ухина работала у Бака бухгалтером

и вскрыла крупные финансовые махинации. *После этого* [предлог времени+ субстантивированное местоимение – модусное средство интерпретативности] между Ухиной и Баком *осложнились* [модусное средство интерпретативности] отношения, и два месяца назад она уволилась. Женщина также обратилась с заявлением в правоохранительные органы. *По версии следствия,* причиной покушения на Кожевина был имущественный *спор вокруг квартиры* в Челябинске между Баком и его сестрой. У *следователей есть информация,* что в последнее время Бак *злоупотреблял* спиртным, находился *в многодневных запоях.* По их мнению, в этом состоянии он *мог решиться на преступление* [модусное средство интерпретативности]». Как видим, лексика мысли, речи, интерпретативные глаголы, отрицательные частицы, предлог времени, вводные словосочетания источника речи и мысли – все эти средства метатекста во взаимодействии отражают логику дознания: показывают исходную для выдвижения версий информацию, само выдвижение версий о мотивах, их проверку.

Во второй публикации развитию метатекста придает динамику необходимость разобраться в противоречии: в метатексте ведется рассуждение о невиновности того, кто под давлением обстоятельств убил другого. Пытаясь разобраться в причинах случившегося, автор предоставляет слово юристу, поэтому ход рассуждения демонстрируется использованием фразеологии официально-деловой речи: «В заключении, *судя по всему*, укажут, что *смерть наступила от одного удара*. Это чистая необходимая оборона. *Совокупность обстоятельств* – малолетний ребенок рядом, пистолет, бойцовая собака, то, что в Мерзлякова стреляли, – исключает *преступность деяния.* Каратист чувствовал угрозу для себя и сына». Рефлексивное вводное словосочетание (*судя по всему*), которое далее повторяется, придает речи модус недоумения. Модус формируется в результате сообщения об отсутствии окончательного решения о вменении вины за совершенное убийство: «Уголовное дело *пока* завели по статье «Убийство». На нерешенность проблемы указывает наречие *пока*. В последующем фрагменте в использовании антонимов *нет-есть*, ограничительных частиц (*всего-то*) выражено экзистенциональное противоречие: «Формально подозреваемого *нет*. Как объяснили в следствии, *есть* труп с признаками насильственной смерти, *и всего-то. То,* что Мерзляков ждал силовиков на месте преступления и фактически признался в причастности к смерти собачника, *к делу отношения имеет мало*:

Руслана отпустили под обязательство о явке». Выражение семантики недоумения из-за неопределенности в установлении вины еще более интенсифицируется употреблением лексики соответствующего значения (Есть *еще один непонятный момент* в истории) и уступительных и отрицательных конструкций (*Несмотря на* стрельбу из ТТ в сторону человека, встречного уголовного дела по покушению на убийство *нет*). Глагольная антонимия подчеркивает ситуационную неопределенность (*Обычно* его *возбуждают* и *тут же прекращают* в связи с гибелью причастного лица). Впечатление неопределенности подчеркивается формой сравнительной степени (*глубже*), противительными и отрицательными союзами и частицами (*но, н*е, *вроде как*), неопределенно-личной конструкцией (*говорят*): «Красносельские», впрочем, *смотрят еще глубже*. Руслан сейчас на свободе, *но* живет с оглядкой. *Говорят,* даже с друзьями по телефону общается коротко и о деле *не ведет речь. Вроде как* боится, что его прослушивают «малышевские». Семантика загадочной неопределенности, подчеркнутая в метатексте системой разноуровневых средств, помогает вовлечь адресата в выработку совместной оценки происшедшего.

Итак, метатекст в данной интеракции заряжает фрагмент текста особым модусом недоумения из-за неопределенности, неизвестности, в которой пока пребывает автор, а вместе с ним и читатели. Этот модус стимулирует любопытство и потребность в раскрытии неизвестного в преступлении – движущих механизмов в действиях его участников. В создании такого модуса участвуют средства с семантикой речи и мысли, неопределенности, эпистемической модальности.

(в) *Интратекст*

В интратексте третьего речевого действия делается попытка прямо или косвенно определить содержание вины в происшедшем. С этой целью называются преступные действия, указывается объект этих действий, характеризуются их последствия.

Например, в первом тексте, чтобы продемонстрировать характер преступных действий, журналист вспоминает о жертве преступления – сотруднике прокуратуры, подчеркивая его служебную значимость: «Олег Ухин работает в прокуратуре с 1999 года». Казалось бы, характеристика этого человека дается в осведомляющей тональности с использованием средств официально-делового стиля, а потому во фрагменте, почти лишенном субъективности изложения, чувство скорби напрямую не выражается, однако

в подтексте, конечно, прочитывается. Понаблюдаем за использованием глаголов. В начальном предложении описания жертвы использован глагол в настоящем времени: пишущий будто бы еще не осознал тяжесть случившегося. Однако далее автор как будто вспомнил, что его героя уже нет в живых, а потому глаголы, в которых восстанавливается профессиональный путь убитого, использует в прошедшем времени: «Последнее время *возглавлял* отдел по надзору за законодательством <...> На своем посту он *курировал* вопросы <...> Кроме того, Олег Ухин *возглавлял* комиссию, которая инспектировала <...>». Знакомясь с этими сведениями об убитом, адресат получает представление о масштабе преступления, жертвой которого стал еще совсем молодой человек, активный, полный жизненной энергии, утрата которого для общества чрезвычайно велика.

Объяснение причин во втором тексте строится как демонстрация того, что именно агрессия жертвы вынудила другого к ответным действиям (*смерть наступила от; чувствовал угрозу от*). Стремясь исключить в поступках своего героя преступный умысел, автор средствами передачи прямой речи предоставляет слово свидетелю. В словах свидетеля содержатся оценки состояния активного участника трагического события, действия которого привели к гибели человека. Положительная оценка последнего драматизирует изложение: «Мы общались с Русланом после инцидента, – рассказал <...> Алексей Волков. – Для *любого нормального человека* это *шоковая* ситуация. Он *очень переживает*. Но, *судя по всему*, ему *не* оставили выбора. Руслан *не* пытался убить человека, я уверен в этом. Убежать он *не* мог, ребенок рядом». Прямая речь строится как убеждающее возражение: насыщена отрицательными предложениями (*не оставили выбора, не пытался убить, не мог*).

В завершение свидетель будто воспроизводит еще раз трагическую ситуацию – так вводится речевой вариативный повтор: «Наставленный пистолет *заставил* Руслана *действовать* достаточно *жестко*. Есть много ударов, при которых *возможен летальный исход. Но нет* таких, которые были бы *однозначно смертельными*. У меня юридическое образование, и *с моей точки зрения*, он *действовал в пределах необходимой самообороны. По другим данным,* ТТ Дорин припас как раз для Руслана Мерзлякова. *Накануне они повздорили,* и тоже *из-за* того, что собака гуляет без поводка и намордника. Каратист *сделал замечание и получил в ответ угрозы*». Характеризуя поведение одного участника конфликта исполь-

зованием глаголов принуждения (*заставил действовать, наставленный пистолет, ТТ припас для*), агрессивной лексики (*угрозы, повздорили*), показывает, кто реальный виновник происшедшего, а кто пострадавший, действовавший в пределах необходимой самообороны.

Таким образом, пропозициональное содержание третьей интеракции раскрывается через рассуждение, в ходе которого с адресатом согласовываются подходы к оценке содержания преступления и меры виновности участников. В метатексте присутствует семантика эпистемического модуса неопределенности, выраженного вводными словами, лексикой речи и мысли, противительными и сопоставительными союзами, частицами и другими средствами, передающими динамику рассуждения. Кроме того, указанный модус поддерживается передачей различий во мнениях о содержании преступления и виновности участников. Ведущие здесь средства выражения вины. В интратексте используются глаголы, указывающие на действия, осуществляемые в отношении другого. Интеракция насыщена юридической терминологией, позволяющей передать различные правовые оценки происшедшего.

Результаты исследования

Жанровый стиль криминального сообщения выражается в трех взаимосвязанных композиционных компонентах: пара-, мета- и интратексте. Паратекст встраивает сообщение в режиссуру всего номера, выделяя его среди других, привлекая к нему внимание. Вербальные средства: заголовочный комплекс, включающий название текста, подзаголовок и возможные названия частей текста, настраивает на совместное с автором разгадывание загадок преступления. Авербальные средства помогают представить картину преступления и ее детали.

Метатекст демонстрирует ориентацию текста на адресата и передает его интертекстуальность, связанную с промежуточным положением в коммуникации. Отражая взаимодействие смысловых позиций субъекта речи и чужих смысловых позиций, метатекст вовлекает в распутывание тайн, открывает ход дознания, показывает размышления о причинах преступления и виновных в нем. Метатекст в речевом жанре представлен разными группами средств, среди которых основные: 1) показатели межсубъектного взаимодействия, указывающие на присутствие автора, адресата,

«третьих» лиц; 2) ввод чужой речи потерпевших, свидетелей, очевидцев, дознавателей; 3) сама чужая речь, содержащая лексико-грамматические, синтаксические, пунктуационные, графические маркеры ее присутствия в тексте; 4) «смысловое сцепление» разных позиций – недопонимания и объяснения понятого, сопоставления известного и очевидного с неизвестным и непонятным, противопоставления версий, согласия и возражения и т. п.

Интратекст доносит пропозицию медиатекста средствами выражения референциальных и модусных смыслов, а именно: известными деталями преступления, раскрывающимися в ходе дознания неизвестными деталями, идеями о степени виновности лиц, его совершивших.

Стилистический анализ текстотипа включал динамический и статический аспекты.

Динамический анализ показал внутреннюю логику речевой деятельности журналиста, освещающего криминальное происшествие. Логику представляет композиция РЖ, которая состоит из трех речевых интеракций, выражаемых в пара-, мета- и интратексте: 1) осведомление о событии преступления и прояснение непонятного – своего рода «тайны»; 2) демонстрация хода получения сведений о преступлении – раскрытия «тайны»; 3) согласование с читателем и «третьими» лицами этико-правовой характеристики происшедшего. Порядок следования субжанровых и элементарных интеракций воспроизводит типовой образ действий, порядок отношений, способ достижения жанровой интенциональности. Паратекстовые средства встраивают публикацию в структуру совокупного текста газеты, выделяют ее среди прочих текстов и способствуют продвижению читателя по всему тексту, привлекая внимание к каждой из его частей, дополняя презентацию действующих лиц и обстоятельств изложения детализацией события.

Статический анализ установил закономерности речевой организации каждой интеракции: семантические доминанты и средства их реализации. Первая из речевых интеракций в криминальном сообщении отражает событийное информирование, в ходе которого по известным деталям восстанавливается картина происшедшего и высвечиваются неизвестные и непонятные стороны преступления. Событийное информирование осуществляется преимущественным использованием семантики однократности, результативности, предельности, однонаправленности. Противоречия между известным и неизвестным подчеркнуты рацио-

нально-оценочной лексикой. Вторая интеракция, которая строится как диалог дознавателей со свидетелями и причастными к преступлению лицами, направлена на выяснение неизвестных сторон преступления. Метатекст организуют средства передачи причинно-следственных отношений, наименования участников дознания, их дознавательных действий и средства, именующие мотивы действий. Ключевыми для создания внутритекстового компонента интеракции выступают наименования участников трагедии и причастных к ним лиц, а также действия по раскрытию неизвестного о преступлении. Благодаря средствам выражения причинно-следственных отношений демонстрируется, как непонятное проясняется, неизвестное становится известным и восстанавливается картина происшедшего. В третьей интеракции отражается, каким образом журналист обсуждает и согласовывает с причастными к расследованию людьми характеристики преступления и масштаб вины подозреваемого. Свойственные данной интеракции коммуникативные шаги – выдвижение версий и их обсуждение – строятся на основе ключевой семантики гипотетичности и оценки степени вины. Таким образом, взаимосвязь субжанровых интеракций, основанная на выполнении ими общего замысла – «речевой воли» (интенциональности) автора, составляет стиль данного текста, который и является распространенной репродуктивной формой речевой деятельности журналиста.

Выводы

Стилистический анализ жанровых моделей, распространяющийся на широкий комплекс их характеристик, обусловленных замыслом речевого произведения и широким социальным контекстом, представляется нам перспективным вектором развития медиалингвистики. Такой анализ позволяет выявить основные профессиональные речевые стандарты – продуктивные формы, способы и процедуры речевой деятельности и речевых действий, которые употребляются для достижения профессиональных целей. В данной статье в таком ракурсе рассмотрен один из текстотипов – сообщение о криминальном происшествии – как одна из нормативных речевых процедур профессиональной речевой деятельности журналиста, которая включает три речевых шага: сообщение о событии преступления, демонстрация его разгадывания, этико-правовая оценка. Композиция сообщения строится с помо-

щью субжанровых интеракций, которые, в свою очередь, выражаются через интенционально связанные элементарные диалогические шаги, целостность каждого из них становится возможной благодаря спаянности трех элементов публикации – метатекста, интратекста и паратекста.

Примечания

[1] Работа выполнена при поддержке РНФ (грант 19-18-00530).

[2] О способности глаголов называть только операцию, но сворачивать, имплицировать иную информацию: о времени и о пространстве, о объектах и субъектах, об инструментах и т. п.: см. *Кубрякова Е. С.* О типах дискурсивной деятельности // Вестн. МГЛУ. 2003. Вып. 478: Лексика в разных типах дискурса. С. 5–10.

Библиография

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Бахтин М. М. (Волошинов В. Н.) Под маской. Маска третья. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993.

Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000.

Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус. М.: Флинта, 2009.

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.

Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981.

Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 338–377.

Гайда Ст. Что такое стиль? // Стилистика как речеведение. М.: Флинта: Наука, 2013. С. 25–34.

Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. С. 158–218. М., 1993.

Головин Б. Н. Основы культуры речи. М.: Высшая школа, 1980.

Демьянков В. З. “Событие” в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия. АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320–329.

Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М.: Изд. центр РГТУ, 1995. С. 239–390.

Доможиров В. И. Формирование концепции освещения криминальной темы в средствах массовой информации // Извест. Уральск. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 4 (95). С. 32–40.

Дридзе Т. М. Текстовая деятельность и структура социальной коммуникации. М.: Наука, 1984.

Дускаева Л. Р. Стилистический анализ в медиалингвистике. М.: Флинта, 2019.

Клочкова А. В. Специфика подхода СМИ к материалам криминальной проблематики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 2012. № 2. С. 58–69.

Кожина М. Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Пермь, 2002.

Кожина М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды. М.: Флинта: Наука, 2014. С. 414–431.

Костомаров В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005.

Кубрякова Е. С. О типах дискурсивной деятельности // Вестник МГЛУ. 2003. Вып. 478: Лексика в разных типах дискурса. С. 5–10.

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2015.

Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. *Л. Р Дускаевой*. М.: Флинта, 2018.

Одинцов В. В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980.

Остин Д. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. С. 22–129. М., 1986.

Плотников В. А. Авербальные формы письменного текста и их содержание // О форме и содержании в языке / под ред. *В. А. Плотникова*. Минск: Вышэйш. шк, 1989.

Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974.

Солганик Г. Я. Лексика газеты. М.: Высшая школа, 1981.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1999.

Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Степин В. С. Философия науки. М.: Гардарики, 2006.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. *М. Н. Кожиной*. М.: Флинта: Наука, 2003.

Суховеева И. А. Программы криминальной тематики на современном телевидении. Феномен успеха // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. 2007. С. 98–100.

Тертычный А. А. Расследовательская журналистика как вид деятельности СМИ: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002.

Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д. Слово в действии: интент-анализ политического дискурса. СПб., 2000.

Шайхитдинова С. К. Смерть в телевизионных новостях: границы допустимого. Казань, 2013.

Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Пресс-Традиция, 2003.

Шум Ю. Журналистское расследование. СПб.: СПбГУП, 2008.

Duskaeva L. R. (2018) The dynamic and static aspects of speech organization in business media texts. *Studies About Languages* 2: 65–76. DOI: http://dx.doi.org/10.5755/j01.sal.0.32.19905

Elínek M. (1969) *Stylové rozpěti soušasné spisovné češtiny.* In *Kultura českého jazyka*. Liberec. Pp. 73–87.

Hausenblas K. (1968) *Výstavba slovesných komunikátů a stylistika (K současnému stavu stylistického bádání slavistického)*. In *Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů*. Praha. Pp. 343–347.

Hausenblas K. (1972) *Výstavba jazykjvých projevů a styl.* Praha: Univ. Karlova Publ.

Hausenblas K. (1996) *Od tvaru к smyslu textu: stylistické reflexe a interpretace*. Praha: Filozofická Fakulta Univerzity Karlovy Publ.

Mistrík J. (1965) *Slovenská štylystika*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo Publ.

Mistrík J. (1975) *Žánre vecnej literatúry*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo Publ.

Mistrík J. (1985) *Štylystika*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo Publ.

Mistrík J. (ed.) (1993) *Encyklopédia jazykovedy*. Bratislava: Obzor Publ.

References

Arutyunova N. D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and Man's World]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ. (In Russian)

Bakhtin M. M. (Voloshinov V. N.) (1993) *Pod maskoy. Maska tret'ya. Marksizm i filosofiya yazyka* [Under Disguise. Disguise № 3. Marxism and the Philosophy of Language]. Moscow: Labirint Publ. (In Russian)

Bakhtin M. M. (2000) *Epos i roman* [The Epic and the Novel]. St. Petersburg: Azbuka Publ. (In Russian)

Bolotnova N. S. (2009) *Kommunikativnaya stilistika teksta. Slovar'-tezaurus* [Communicative Stylistics of the Text. A Thesaurus Dictionary]. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Bondarko A. V. (2002) *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki* [Theory of Meaning Within Functional Grammar]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ.

Dem'yankov V. Z. (1983) "Sobytie" v semantike, pragmatike i v koordinatakh interpretatsii teksta [An "Event" in Semantics, Pragmatics and in the Coordinates of Text Interpretation]. *Izvestiya. AN SSSR. Seriya literaturi i yazyka* 42 (4): 320–329. (In Russian)

Dem'yankov V. Z. (1995) Dominiruyushchie lingvisticheskie teorii v kontse XX veka [Dominant Linguistic Theories in the Late 20th Century]. In *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and Science of the Late 20th Century]. Moscow: RGTU Publishing Center. Pp. 239–390. (In Russian)

Domozhirov V. I. (2011) Formirovanie kontseptsii osveshcheniya kriminal'noy temy v sredstvakh massovoy informatsii [Formation of the Concept of Covering a Criminal Topic in Mass Media] *Izvest. Ural'sk. gos. un-ta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* 4 (95): 32–40. (In Russian)

Dridze T. M. (1984) *Tekstovaya deyatel'nost' i struktura sotsial'noy kommunikatsii* [Text Activity and the Structure of Social Communication]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Duskaeva L. R. (2018) The Dynamic and Static Aspects of Speech Organization in Business Media Texts. *Studies About Languages* 2: 65–76. DOI: http://dx.doi.org/10.5755/j01.sal.0.32.19905

Duskaeva L. R. (ed.) (2018) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik* [Media Linguistics in Terms and Concepts: a Dictionary (Reference Book)]. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Duskaeva L. R. (2019) *Stilisticheskiy analiz v medialingvistike* [Stylistic Analysis in Media Linguistics]. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Elínek M. (1969) Stylové rozpěti soušasné spisovné češtiny [Stylistic Range of Contemporary Standard Czech] In *Kultura českého jazyka* [Culture of the Czech Language]. Liberec. Pp. 73–87. (In Czech)

Gavranek B. (1967) Zadachi literaturnogo yazyka i ego kul'tura [The Tasks of the Literary Language and Its Culture]. In *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [the Prague Linguistic Circle]. Moscow: Progress Publ. Pp. 338–377. (In Russian)

Gayda St. (2013) Chto takoe stil'? [What is Style?]. In *Stilistika kak rechevedenie* [Stylistics as Speech Studies]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. Pp. 25–34. (In Russian)

Glovinskaya M. Ya. (1993) Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov [Semantics of Speech Verbs from the Viewpoint of Speech Acts Theory]. In *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii: kommunikativno-pragmaticheskiy aspect* [The Russian Language in Its Operation: the Communication and Pragmatic Aspect]. Moscow. Pp. 158–218. (In Russian)

Golovin B. N. (1980) *Osnovy kul'tury rechi* [Fundamentals of Speech Culture]. Moscow: Vysshaja shkola Publ. (In Russian)

Hausenblas K. (1968) Výstavba slovesných komunikátů a stylistika (K současnému stavu stylistického bádání slavistického) [Construction of Verbal Communications and Stylistics (On the Current State of Slavic Stylistic Research]. In *Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů* [Czech Lectures for the 6th International Congress of Slavists]. Praha. Pp. 343–347. (In Czech)

Hausenblas K. (1972) *Výstavba jazykjvých projevů a styl* [Construction of Language Expressions and Style]. Praha: Univ. Karlova Publ. (In Czech)

Hausenblas K. (1996) *Od tvaru к smyslu textu: stylistické reflexe a interpretace* [From the Shape to the Meaning of the Text: Stylistic Reflections and Interpretations]. Praha: Filozofická Fakulta Univerzity Karlovy. (In Czech)

Klochkova A. V. (2012) Spetsifika podkhoda SMI k materialam kriminal'noy problematiki [The Mass Media's Approach to Crime Issues]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 11*: *Pravo* 2: 58–69. (In Russian)

Kozhina M. N. (2002) *Rechevedenie i funktsional'naya stilistika: voprosy teorii* [Speech Studies and Functional Stylistics: Theoretical Issues]. Perm'. (In Russian)

Kozhina M. N. (ed.) (2003) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russian)

Kozhina M. N. (2014) *Rechevedenie. Teoriya funktsional'noy stilistiki: izbrannye trudy* [Speech Studies. Functional Stylistics Theory: Selected Works]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. Pp. 414–431. (In Russian)

Kostomarov V. G. (2005) *Nash yazyk v deystvii. Ocherki sovremennoy russkoy stilistiki* [Our Language in Action. Essays in Modern Russian Stylistics]. Moscow: Gardariki Publ. (In Russian)

Kubryakova E. S. (2003) O tipakh diskursivnoy deyatel'nosti [On the Types of Discursive Activity]. *Vestnik MGLU. Vyp. 478: Leksika v raznykh tipakh diskursa*: 5–10. (In Russian)

Kun T. (2015) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST Publ. (In Russian)

Mistrík J. (1965) *Slovenská štylystika* [Slovak Stylistics]. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo Publ. (In Slovak)

Mistrík J. (1975) *Žánre vecnej literatúry* [Genres of Factual Literature]. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo Publ. (In Slovak)

Mistrík J. (1985) *Štylystika* [Stylistics]. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. (In Slovak)

Mistrík J. (ed.) (1993) *Encyklopédia jazykovedy* [Encyclopedia of Linguistics]. Bratislava: Obzor Publ. (In Slovak)

Odintsov V. V. (1980) *Stilistika teksta* [Text Stylistics]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Ostin D. (1986) Slovo kak deystvie [A Word as an Action]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 17* [The New in Foreign Linguistics. Issue 17]. Moscow. Pp. 22–129. (In Russian)

Plotnikov B. A. (1989) Averbal'nye formy pis'mennogo teksta i ikh soderzhanie [Averbal Forms of a Written Text and Their Content]. In B. A. Plotnikova (ed.) *O forme i soderzhanii v yazyke* [On Form and Content in the Language]. Minsk: Vysheysh. shk. Publ. (In Russian)

Saussure F. de (1999) *Kurs obshchey lingvistiki* [A Course in General Linguistics]. Ekaterinburg: Ural. Univ. Publ. (In Russian)

Shaykhitdinova S. K. (2013) *Smert' v televizionnykh novostyakh: granitsy dopustimogo* [Death in Television News: Red Lines]. Kazan'. (In Russian)

Shum Yu. (2008) *Zhurnalistskoe rassledovanie* [Investigative Reporting]. St. Petersburg: SPbGUP Publ. (In Russian)

Shvyrev V. S. (2003) *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury. Traditsiya i sovremennost'* [Rationality as a Cultural Value. Tradition and Modernity]. Moscow: Press-Traditsiya Publ. (In Russian)

Sirotinina O. B. (1974) *Sovremennaja razgovornaja rech' i ee osobennosti* [Modern Colloquial Speech and Its Characteristics]. Moscow: Prosveshhenie Publ. (In Russian)

Solganik G. Ya. (1981) *Leksika gazety* [Newspaper Vocabulary]. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian)

Stepin V. S. (2003) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ. (In Russian)

Stepin V. S. (2006) *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Moscow: Gardariki Publ. (In Russian)

Sukhoveeva I. A. (2007) Programmy kriminal'noy tematiki na sovremennom televidenii. Fenomen uspekha [Programmes on Criminal Topics on Modern Television. The Phenomenon of Success]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki. Spetsvypusk*: 98–100. (In Russian)

Tertychnyy A. A. (2002) *Rassledovatel'skaya zhurnalistika kak vid deyatel'nosti SMI: ucheb. posobie dlya vuzov* [Investigative Journalism as a Kind of Media Activity. A Study Guide for Universities]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Ushakova T. N., Pavlova N. D. (2000) *Slovo v deystvii: intent-analiz politicheskogo diskursa* [The Word in Action: Intent Analysis of Political Discourse]. St. Petersburg. (In Russian)

Vezhbitska A. (1978) Metatekst v tekste [Metatext in the Text]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 8* [The New in Foreign Linguistics. Issue 8]. Moscow: Progress Publ. Pp. 402–421. (In Russian)

Vinogradov V. V. (1981) *Problemy russkoj stilistiki* [Issues of Russian Stylistics]. Moscow: Vysshaja shkola Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
16.07.2020